

Э. В. Маремукова

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИКАЦИИ КАУЗАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
Поступила в редакцию 15.05.2024 г.
Принята к публикации 04.02.2025 г.
doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1

5

Для цитирования: Маремукова Э. В. Грамматические особенности экспликации каузации в различных лингвокультурах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. № 2. С. 5 – 16. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1.

Каузация выступает одним из важнейших условий бытия. Причинно-следственная обусловленность элементов окружающей действительности, имеющая универсальное значение, в различных лингвокультурах проецируется по-разному и находит свое выражение на различных уровнях языка. Проведенный сопоставительный анализ грамматических особенностей экспликации каузации в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках позволил выявить различия в коммуникативном поведении людей, детерминированные типом культуры, к которому принадлежат собеседники. Английские каузативные конструкции, культурная разработка которых является отличительной типологической особенностью английского языка, ориентируются на свободу и самостоятельность каузатора. В кабардино-черкесской лингвокультуре, в отличие от русской и английской, пермиссивное или императивное значение каузации формируется в зависимости от контекста. Носителями русского и кабардино-черкесского языков прямой императив не воспринимается как менее вежливый по сравнению с каузативными конструкциями позволенного содержания, как это имеет место в английской лингвокультуре. В современном интегрированном мире межкультурная адаптация является центральной и определяющей задачей. Декодирование этнокультурных различий в формировании каузативных конструкций в разноструктурных языках способствует постижению уникального ментального устройства носителей этих языков, а также установлению эффективной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультура, каузация, лингвистическая экспликация, грамматикализация, межкультурная коммуникация

Введение

В настоящее время в условиях глобализации различных отраслей жизнедеятельности исследование своеобразия языков и культур в мире актуально, с одной стороны, для привлечения внимания к необходимо-

сти сохранения лингвокультурного многообразия, с другой — для постижения особенностей национального ментального устройства с целью обеспечения эффективной межкультурной коммуникации.

Культура, будучи совокупностью способов деятельности человека и ее результатов, находится в многовекторной зависимости от языка [4, с. 48]. Язык как один из видов человеческой деятельности выступает составной частью культуры, одной из важнейших ее сторон [2, с. 158]. Выбор языковых средств для обозначения предметов и явлений окружающей действительности транслирует культуру, мировоззрение, жизненные установки и приоритеты народа. Мышление в определенной степени находится под влиянием национальных ценностей и обычаев этнического сообщества, в котором воспитывается человек, подтверждая наличие стереотипного мировидения. Язык, являясь символическим изображением народа, проецирует его историческое и культурное происхождение, отношение к окружающей действительности, образ жизни и мышления [6]. Поэтому национальный менталитет может быть исследован с помощью языкового анализа.

6

Существенный вклад в развитие идеи об отражении языком мировосприятия народа и влиянии языка на мышление внесли труды Вильгельма фон Гумбольдта [3; 19]. Лингвистический детерминизм связан с гипотезой Сепира — Уорфа, в соответствии с которой мысли и действия человека определяются его языком [24; 25]. Взаимосвязь культуры, языка и мышления представляет собой одну из важнейших тем для желающих понять природу человеческого познания [21]. Подобные идеи находят отклик в работах, в которых отмечается необходимость описания языка и культуры как единого структурного целого [17, с. 12]. Стремление к осмыслению языка как средства интерпретации феномена человеческой культуры способствовало развитию лингвокультурологии, перспективного лингвистического направления, сформировавшегося в результате интегрирования языкознания со смежными дисциплинами — культурологией, этнологией и этнографией. Термин «лингвокультурология» был использован одним из основателей области когнитивной лингвистики Р. Лангакером, указавшим на взаимосвязь между культурными знаниями и грамматикой [20, с. 31]. Проблемам взаимосвязи языка и культуры посвящены работы В. И. Карасика [9], Ю. С. Степанова [11], Н. Д. Арутюновой [1], А. Вежбицкой [5; 6; 26–30], С. Г. Тер-Минасовой [12] и других исследователей.

Культурная коннотация отличается прецедентностью и стереотипностью. В результате взаимодействия культуры и языка культурные смыслы, порождающие актуальные для человека представления, образы, символы и другие проявления этнокультурных стереотипов, обретают языковое воплощение [8]. Исследования, основанные на положениях лингвистического детерминизма, выявляют уникальные способы актуализации окружающей действительности средствами различных языков. Тезис о прямом влиянии культуры народа на его язык находит подтверждение на различных уровнях языка. Сигнификативные для культуры значения лингвистически объективируются не только в лексическом составе языка, но и грамматикализуются — воплощаются в структурных моделях языка.

Причинно-следственная обусловленность событий выступает одной из важнейших составляющих бытия наряду с временем, пространством, движением и другими его аспектами. В связи со своей универсальностью каузация требует осмысления с позиций антропологической парадигмы. Каузативные глаголы содержат в себе полный цикл причинно-следственной цепи. Значимая роль каузативов в тексте обуславливает необходимость их перевода на другой язык, поскольку потеря коннотации каузации влечет за собой искажение семантики [14].

Каузация в различных лингвокультурах проецируется по-разному, в связи с чем сопоставительное исследование ее лингвистической объективации в разноструктурных языках представляет особый лингвокультурный интерес. Компаративный подход позволяет выявить универсальные и национально-специфические особенности языковой фиксации окружающей действительности, которые могут остаться нераскрытыми при их обособленном изучении. Обеспечению плодотворного и бесконфликтного межкультурного взаимодействия способствует как понимание универсального и общечеловеческого в культуре, так и постижение уникальной этнокультурной информации.

Методология

Необходимость установления особенностей взаимодействия языка и культуры в рамках языковой актуализации причинно-следственных связей при формировании каузативных конструкций в разноструктурных языках определила применение комплекса общенаучных и собственно лингвистических методов, таких как методы компаративного, этимологического, концептуального и компонентного анализа, интерпретации и обобщения. Привлечение богатого исследовательского материала (как устных, так и письменных источников, включая разговорную речь, лексикографические издания и интернет-ресурсы), а также опора на научные труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике способствуют достоверности результатов исследования и обоснованности выводов. Введение в научный оборот нового языкового материала содействует дальнейшим исследованиям в лингвокультурологии.

Результаты

Причинно-следственные отношения находят свое выражение в языковой каузации, выражающейся в каузальности или каузативности. Каузальность отражает весь спектр связей между событиями окружающей действительности и реализуется в языке посредством синтаксических средств. Под каузативностью понимается лексико-грамматическая категория глагольных предикатов, отражающая причинно-следственные отношения между субъектом и объектом (лат. *causa* — причина, основание, англ. *cause* — причина (someone or something that makes something happen — кто-либо или что-либо, благодаря кому или чему

что-либо происходит), повод, основание (a reason to feel something or to behave in a particular way – причина чувствовать что-либо или вести себя определенным образом), дело (a principle or aim that a group of people support or fight for – принцип или цель, которую группа людей поддерживает или за которую борется); причинять, быть причиной (to make something happen – сделать так, чтобы что-либо произошло, стать причиной какого-либо действия, события) [16].

Каузативность является связующим звеном между глаголом действия и глаголом состояния: как правило, результатом воздействия субъекта (каузатора) становится состояние каузируемого объекта [17]. Каузативность можно отнести к некатегориальным значениям, близким к категориальным и входящим в сферу «скрытой грамматики» [14]. Основным критерием выделения каузативных глаголов служит побудительность, а повелительного наклонения – модальность [13].

Принятые в научной литературе классификации каузации по семантике, делящие ее на «прямую и косвенную», «контактную и дистантную», «сильную и слабую», «фактивную и пермиссивную», «манипулятивную и директивную» и др., основаны на характеристиках метаязыка (главным образом английского) и не учитывают уникальные черты отдельных языков. Фактивность каузации (обязательная успешность действия) выступает важным свойством каузативных конструкций. Полагается, что в оппозитивных сочетаниях «фактивная каузация» (каузатор заставляет каулируемого сделать что-либо) и «пермиссивная каузация» (каузатор позволяет каулируемому сделать что-либо) к прототипической каузации ближе первый тип. Если каузация контактна, высока вероятность того, что она будет фактивной. Фактивный тип в языках мира чаще выражается посредством каузативных аффиксов, в то время как пермиссивный – аналитическими способами. По способу каузации выделяют каузацию действием и просьбой (рогативную) каузацию. Грамматикализованные показатели для каузации просьбой встречаются реже [10].

Специфика лингвистической трансляции каузативных отношений в кабардино-черкесском языке представляет интерес для постижения сравнимых разноструктурных языков. Кабардино-черкесский язык проявляет лингвокультурную особенность в оформлении семантических противопоставлений каузации деривационными каузативными префиксами *гъэ-/гъа-* и *у-*: есть – кормить, eat – feed, шхэн – гъэшхэн; щабэ (мягкий) – гъэщэбэн (смягчить,) ущэбын (измельчить); писать – заставить писать, write – make (force, get, let, ask, persuade и др.) (somebody) write, тхэн – гъэтхэн. Семантический тип кабардино-черкесского каузатива не дифференцирован и не является важным параметром – пермиссивное или фактивное понимание может возникать в зависимости от контекста.

В языках мира дистантную каузацию выражают аналитические конструкции, в отличие от контактной, кодируемой морфологическими средствами. В кабардино-черкесском языке морфологические и лексические маркеры каузации могут сочетаться в одной конструкции.

Каузация в кабардино-черкесском языке отличается продуктивностью. Каузативные префиксы комбинируются с другими деривационными показателями. Категория каузатива маркируется в грамматической системе кабардино-черкесского языка и оказывает влияние на морфологию и синтаксис: переходность и непереходность, динамичность и статичность, лабильность и стабильность, возвратность и невозвратность, залог и валентность глагола, синтаксические конструкции предложения.

Склонность английской культуры к «точности» и неприятие «преувеличений» связывают с ценностью «правильности». Народы Востока ожидают, что о них будут судить главным образом по тому, что они имеют в виду, а не по их словам, не понимая, как много вещей народы Запада имеют в виду, но не говорят [23]. Приписывание преуменьшений преимущественно английской языковой модели поведения зафиксировано во многих работах, посвященных английскому образу жизни [18; 27].

Наиболее распространенные причинные глаголы в английском языке – have (иметь), let (позволить), get (получить), make (сделать). Некоторыми исследователями эти глаголы рассматриваются как «истинные» каузативные. При этом используются и другие глаголы, функционирующие в качестве каузативных: cause (вызвать), allow (разрешить), help (помочь), enable (дать возможность), force (заставить), require (потребовать), persuade (убедить) и др.

Предполагается, что, за исключением каузативного глагола to force (принудить), вспомогательные каузативы можно расположить по шкале начиная с let по направлению к make, поместив get и have ближе к make. Центральный вопрос, стоящий за этими конструкциями, заключается в том, по собственной ли воле совершается действие [27].

Интересно сравнить каузативные глаголы make и force: force интуитивно является более «принудительным», чем make; make предполагает «субъективную необходимость» (каузируемый думает: «Я должен это сделать»), тогда как force – «объективную необходимость» («Я вынужден это сделать»). Force подразумевает, что каузируемый думает: «Я не хочу этого делать», тогда как в случае с make такой импликации нет, и каузируемый полагает: «Я должен это сделать» [Там же].

В английской лингвокультуре в каузативной конструкции с make целью каузатора является каузируемый, в то время как в каузативной конструкции с have каузируемый выступает всего лишь инструментом для достижения цели каузатора.

Используя такие предложения, как «I'll get you to sign this» (Я дам тебе / Вам подписать это), а не прямое выражение желания, как в «I want you to sign this» (Я хочу, чтобы ты / Вы подписал(и) это), говорящий сигнализирует о том, что не считает свое желание достаточной причиной для действия каузируемого, а также что он ожидает от собеседника добровольного действия (в соответствии с желаниями говорящего, однако «свободно»).

Формы выражений с have (иметь) и get (получить) проецируют ориентированность английской культуры на осуществление действия.

Высокая культурная значимость темы каузации находит свое выражение в английских каузативных конструкциях, основанных на вспомогательном глаголе *let*, общая тема которых включает в себя идею «refraining from doing something» (воздержание от совершения чего-либо), а также «refraining from doing something to other people» (воздержание от совершения чего-либо по отношению к другим людям). Грамматикализуя это значение в различных каузативных конструкциях с *let*, английская лингвокультура предполагает, что иногда важно воздержаться от каких-либо действий по отношению к другим людям, что созвучно англоязычному нравственному образу *noninterference* (невмешательство) [30].

Императивные выражения с *let* можно рассматривать как выражающие «каузацию действием»: «Let me have a look» (Позволь(те) / дай(те) мне взглянуть), «Let me see it» (Позволь(те) / дай(те) мне посмотреть на это), «Let me have a copy» (Дай(те) / позволь(те) получить (иметь) мне копию). Предложения такого типа передают директиву без видимого «навязывания». Прямой императив или предложение с «I want» (Я хочу) может показаться в подобной ситуации актом импозиции: «I want to have a look» (Я хочу посмотреть), «I want to see it» (Я хочу увидеть это), «Show it to me» (Покажи его / ее / это мне), «Give me a copy» (Дайте мне копию). Такие каузативные конструкции, как «Let me know» (Дай(те) мне знать), «Let me see» (Дай(те) мне посмотреть) или «Let me have a copy» (Дай(те) мне копию), не могут быть точно переведены на русский язык. Самыми близкими к указанным выражениям в русском языке, по мнению А. Вежбицкой, могут быть повелительные конструкции «Скажи(те) мне» (*Let me know*), «Покажи(те) мне» (*Let me see*) или «Дай(те) мне копию» (*Let me have a copy*), лишенные «тактичного» и «ненавязчивого» содержания [27].

Ближайшим русским аналогом английских каузативных конструкций с *let* считают семейство каузативов с глаголом *дать* (*давать*). Однако ареал использования каузативных конструкций с *дать* в русском языке более ограничен по сравнению с каузативными конструкциями с *let* в английском языке. Необычайное богатство в английском языке типов каузативных предложений, основанных на *let*, указывает на одну из важных черт современной англоязычной культуры, которая отводит ключевую роль желанию каждого «компетентного взрослого человека», чтобы его действиям, свободе и вниманию не препятствовали другие [15; 22; 30].

Конструкции с *let* в английском языке подразумевают «не делать чего-либо» (не мешать), в то время как принимаемые за их эквиваленты в русском языке конструкции с *дать* — «сделать что-либо» (дать возможность). В отличие от английского языка, в котором каузатор не предпринимает действий (не мешает), русский вариант подразумевает совершение каузатором действия — не только предоставление каузируемому возможности и условий, но и воздействие на каузируемого — обеспечение каузатором выполнения каузируемым желаемого (в данном случае и каузатором, и каузируемым) действия.

Каузативные конструкции, отличающиеся отсутствием прямого повелительного наклонения, в английском языке имеют важное культурное значение, которое проявляется в выражениях «Would you do...» (Не мог(ли) бы ты / Вы сделать...), «Will you do...» (Ты / Вы бы сделал(и)...), «Could you do...» (Не мог(ли) бы ты / Вы сделать...), «Would you mind doing...» (Не мог(ли) бы ты / Вы сделать...), направленных на исключение впечатления навязывания своей воли другому.

В славянских языках, в частности в русском, нет единого формального показателя каузативности, что затрудняет выделение и изучение каузативных глаголов. В русском языке парность глагола по каузативности и некаузативности является обязательным признаком каузативного глагола. Некаузативный коррелят выражает то действие или состояние, которое возможно в результате воздействия: разбудить — проснуться, отправить — уйти. В связи с тем что глаголы волевого воздействия не выражают потенциального действия, обозначая только значение воздействия, они не имеют некаузативных коррелятов [7].

В русском языке продуктивным средством передачи каузативного значения полагаются префиксально-суффиксальные формы с приставками *из-/ис-, о-/об-* и суффиксом *-и-*: испепелить, обуглить. Также употребляются образования с суффиксом *-и-* (ожесточить) с каузативным значением и их дериваты с возвратным суффиксом *-ся* (ожесточиться). Каузативное значение манифестируется и при помощи описательных конструкций: сделать что-либо черным или стать причиной того (привести к тому), чтобы что-либо почернело. Широко употребляются в русском языке перифрастические структуры: сделать(ся) жестоким — ожесточить(ся) [14].

Суффикс *-и-* в русском языке самостоятельно или в связке с другими способами деривации образует большинство каузативных глаголов, создавая пары каузативных и некаузативных глаголов: *молодить* — *молодеть*, *худить* — *худеть*, *крепить* — *крепнуть*, *сушить* — *сохнуть*. В кабардино-черкесском языке в подобных конструкциях эквивалентом выступают префиксы *y-* и *гъэ-*: *щабэ* (мягкий) — *ущэбын* (измельчить) — *гъэщэбэн* (смягчить); *фъыццэ* (черный) — *гъэуфъыццэын* (сделать так, что он(а/о) стал(а/о) черным — стать причиной потемнения (образования синяка)).

Каузативные глаголы в супплетивных оппозициях в русском языке *гореть* — *жечь*, *устать* — *утомить*, *спешить* — *торопить*, *лежать* — *класть*, *есть* — *кормить*, *падать* — *валить*, *проснуться* — *разбудить*, *растаться* — *разлучить* и др. в кабардино-черкесском языке можно выразить морфологически — каузативным префиксом *гъэ-*: *исын* — *гъэсын*, *ешын* — *егъэшын*, *пъэщээн* — *гъэпъэщээн*, *щыльгын* — *гъэгъуэльгын* (*гъэгъыльгын*), *шхэн* — *гъэшхэн*, *ехуэхын* — *егъэхуэхын*, *уклуриин* — *гъэуклуриин*, *къэушын* — *къэгъэушын*, *зэфъэклуэдын* — *зэфъэгъэклуэдын* и др.

Глагол со значением 'отдыхать' (*зыгъэпсэхун*) в кабардино-черкесском языке обладает грамматическими свойствами каузатива и возвратности, а каузативная конструкция «дать отдохнуть» (*let rest*) обретает двойную каузацию — *зегъэгъэпсэхун*.

Автокаузативный глагол *обидеться* в русском языке оформляется показателем возвратности *-ся*; в английском языке эквивалентом выступает форма с каузативным глаголом *get (get upset)*; кабардино-черкесский язык проецирует показатели как возвратности, так и каузатива: *зыгъэгусэн*, а каузативная форма обретает черты двойной каузации: *зегъэгъэпсэхун*.

Заключение

Каузативные значения в разносистемных языках выражаются по-разному. Для передачи каузативной семантики используются лексические, морфологические и синтаксические средства.

Каузативные глаголы являются переходными, однако не каждый переходный каузативный глагол имеет побудительную коннотацию. В кабардино-черкесском языке каузативная форма с префиксом *гъэ-/гъа-* может иметь значение советования: *УзгъэкIуэнут* (Я посоветовал(а) бы тебе (Вам) идти туда), перевод которой в русском и английском языках не является советованием, а сохраняет каузативную стратегию: *Я отправил(а) бы тебя туда; I would make you go there*. Данное выражение в зависимости от интенции говорящего может также заключать в себе значение собственно каузатива (*Я отправил(а) бы тебя (Вас) туда*), субъективное мнение говорящего в пользу содержания действия (*Я хотел(а) / предпочел(а) бы, чтобы ты (Вы) туда пошел(а/и)*), а также условно-сослагательное наклонение, передаваемое в кабардино-черкесском языке суффиксом *-т-* (*Я отправил(а) бы тебя (Вас) туда, если бы не...*).

Лингвокультурная особенность кабардино-черкесского языка проявляется в его полисинтетических свойствах, а также в том, что целый ряд каузативных значений, связанных в сравниваемых русском и английском языках с причинностью, побуждением, просьбой, заставлением, вдохновением, содействием, помощью и другими коннотациями воздействия, обозначается в нем деривационными префиксами *гъэ-/гъа-* и *у-*, имеющими местоименное происхождение, что подтверждает выполнение действия другим лицом по отношению к говорящему.

В русской лингвокультуре, как и в английской, различные каузативные коннотации выражаются соответствующими лексемами, в то время как в кабардино-черкесской эти значения могут быть переданы как морфологически (аффиксально), с обретением указанных оттенков значений в контексте, так и дополнительными лексическими средствами: *игъэкIуащ* – позволил(а) (ей / ему) пойти (разрешил(а), не стал(а) препятствовать, заставил(а), сделал(а) так, чтобы он(а) пошел(а)) – *allowed (forced, let, made, got, asked) (her / him) to go*; *залымыгъэкIэ игъэкIуащ* – заставил(а) (ее / его) пойти – *forced (her / him) to go*; *кIуэну хуит ищIащ* – разрешил(а) (ей / ему) пойти – *allowed (permitted) (her / him) to go*; *кIуэну тригъэгущуащ* (къару къыхилъхъащ, иригъэхъуэпсащ) – воодушевил(а) (смотивировал(а), соблазнил(а)) (ее / его) пойти – *encouraged (motivated, seduced) (her / him) to go*; *кIуэну елъэуащ* – попросил(а) (ее / его) пойти – *asked (her / him) to go*.

При этом термины побуждения (motivation), поощрения (encouragement), вдохновения (inspiration), соблазнения (seduction) и другие, используемые в сравниваемых русском и английском языках для образования каузативных конструкций, в кабардино-черкесском языке по своей структуре имеют каузативную форму с префиксом *гъэ-/гъа-*: побудить (хуэ-гъэ-ушын), вдохновить (те-гъэ-гушхуэн), соблазнить (е-гъэ-хъуэпсэн). Так, каузативные конструкции в русском и английском языках «побудить к чтению» (encourage reading), «вдохновить к сочинению музыки» (inspire to compose music) в кабардино-черкесском языке будут иметь усиленную каузативную структуру: еджэным хуэгъэушын, макъамэ зэхэльхэным тегъэгушхуэн.

Английская конструкция с let (Mary let John come / go) – Мэри позволила Джону прийти / уйти) кодирует идею воздержания от совершения чего-либо по отношению к другому человеку и, таким образом, предоставляет этому человеку право выбора, что подчеркивает значимость данной темы для английской лингвокультуры.

В английском языке каузативное выражение Let's go (Пойдем! Давай пойдём!) имеет буквальное значение «Позволь нам пойти» (Let us go – ты / Вы позволь(те) (приложи(те) усилия, и мы с тобой / Вами (я и ты / Вы) пойдём), которое вызывает совместное усилие, основанное на консенсусе и предполагающее добровольное действие свободных и равных людей. В русском языке данное выражение имеет менее вежливый, более того, императивный, на английский взгляд, характер: Пойдем! Давай пойдём! В кабардино-черкесском языке возможная императивность русского выражения *Пойдем!* нивелируется способностью кабардино-черкесского языка заключать в минимальном количестве знаков большой объем культурной информации, для интерпретации которой потребуются знание как контекста, так и особенностей национального мышления носителей языка: ДыгъакIуэ! (Давай пойдём! Пойдем! Позволь нам пойти! Разреши нам пойти! Дай нам разрешение пойти!). При этом, в отличие от русской и английской лингвокультур, в которых в подобных каузативных конструкциях каузатор выступает также в качестве каузируемого (Let's go – Let us go – Ты / Вы позволь(те) нам с тобой / Вами (тебе / Вам и мне) пойти, где *ты / Вы* – каузатор(ы), *мы (я и ты / Вы)* – каузируемые; Давай пойдём! Позволь нам пойти! Пойдем!, где *ты / Вы* – каузатор(ы), *нам (ты / Вы и я)* – каузируемые), в кабардино-черкесской лингвокультуре каузатор (ты) становится и каузируемым только при соответствующей интенции говорящего: ДыгъакIуэ (Давай мы с тобой (я и ты) пойдём (*ты* – каузатор, *мы (я и ты)* – каузируемые); Дай нам (мы) пойти (без тебя); Дай нам (мы – без тебя) разрешение пойти; Разреши нам (мы – без тебя) пойти); Позволь нам (мы – без тебя) пойти (*ты* – каузатор, *нам (мы)* – каулируемые).

В английском языке предложение Let me open the door for you (Позволь(те) мне открыть тебе / Вам дверь) звучит вежливее, чем его аналог,

который заявляет о намерении говорящего — I will open the door for you (Я открою тебе дверь *или* Я хочу открыть дверь для тебя). В отличие от английской лингвокультуры, в русской и кабардино-черкесской подобная вежливая коннотация чаще передается не каузативной конструкцией, а формой будущего времени или самим действием без объявления, предупреждения или получения разрешения: Я открою тебе дверь; Подожди, я тебе открою дверь (Сэ бжэр пхуIусхынщ; Зэ къэувьIэ, сэ бжэр Iусхынщ).

Категория каузатива в кабардино-черкесском языке превращает непереходные глаголы в переходные, увеличивает количество лиц глагола на одну единицу, переводит глагол из статического состояния в динамическое, из лабильного — в стабильное, нейтрализуют номинативную и инверсивную синтаксические конструкции и превращает их в эргативную: ЩIалэр машхэ (Парень кушает / ест). — ЩIалэм хьэр егъашхэ (Парень кормит собаку — *букв.*: делает так (прилагает усилия), чтобы собака кушала / ела).

Кабардино-черкесский каузатив фиксирует большее внимание на каузируемой ситуации, чем на каузирующей, и это определяет особые синтаксические и семантические свойства каузатива. Русские конструкции с каузативными глаголами *дать, заставить, попросить* обычно переводятся кабардино-черкесскими глаголами с морфологическими показателями каузативности. Следовательно, наиболее релевантен для говорящего именно факт осуществления каузируемой ситуации, а не ее каузация.

Компаративное исследование на материале разноструктурных языков каузативных конструкций, манифестирующих особенности лингвокультурной объективации причинно-следственных отношений между явлениями и событиями окружающего мира, способствует выявлению культурно специфических и универсальных сторон национального мышления, что содействует установлению и развитию эффективно межкультурного взаимодействия.

Культурно-исторический опыт и аксиологическая информация отдельных народов, зафиксированные в языке, формируют мировую сокровищницу духовных ценностей.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Бицилли П. М. Избранные труды по филологии. М., 1996.
3. Бородай С. Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм. М., 2020.
4. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
5. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
6. Вежицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. М., 1993. Вып. 3. С. 185–206.
7. Дадиева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ, 2011. №2. С. 76–81.

8. Иванова С.В., Чанышева З.З. Семантика и прагматика языкового знака как драйверы культуруноности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2014. №4. С. 155–166.

9. Карасик В.И. Этноспецифичные концепты // Иная ментальность. М., 2005. С. 8–100.

10. Летучий А.Б. Каузатив, декаузатив и лабильность // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.

11. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.

12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.

13. Хачемизова М.А. Каузатив в адыгейском языке: его сущность, маркированность, функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2003.

14. Шорохова И.А. Семантика каузативных глаголов в русском и польском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.

15. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: Politeness phenomena // Questions and politeness: Strategies in social interaction. Cambridge University Press, 1978. P. 56–310.

16. Cambridge Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/cause> (дата обращения: 25.04.2024).

17. Halliday M.A.K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. Baltimore, 1978.

18. Hübler A. Understatements and hedges in English. Amsterdam, 1983.

19. Humboldt W.F. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1836. URL: <https://books.google.ru/books?id=ВКрWAAAАсAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 25.03.2024).

20. Langacker R.W. Culture, cognition, and grammar // Language Contact and Language Conflict. Amsterdam ; Philadelphia, 1994. P. 25–53.

21. Lucy J. Language Diversity and Thought: A Reformulation of the Linguistic Relativity Hypothesis. Cambridge University Press, 1992.

22. Matsumoto Y. Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese // Journal of Pragmatics, 1988. №12. P. 403–426.

23. Rihbany A.M. The Syrian Christ. L., 1920.

24. Sapir E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality. Berkeley, 1958.

25. Whorf B.L. Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, 1956.

26. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin ; N. Y., 2003.

27. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. N. Y., 2006.

28. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. Oxford, 1992.

29. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. N. Y., 1996.

30. Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. N. Y., 1997.

Об авторе

Эллеонора Владимировна Маремукова — канд. филол. наук, главный специалист-эксперт, Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Россия.

E-mail: elleonora16@mail.ru

SPIN-код: 5605-7947

E. V. Maremukova

**GRAMMATICAL FEATURES OF THE EXPLICATION
OF THE CAUSATION IN DIFFERENT LINGUOCULTURES**

Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic,
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Nalchik, Russia

Received 15 May 2024

Accepted 4 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1

16

To cite this article: Maremukova E.V. 2025, Grammatical features of the explication of the causation in different linguocultures, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 5–16. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-1.

Causation is one of the fundamental conditions of existence. The cause-and-effect relationships between elements of reality, which possess universal significance, are reflected differently across linguocultures and manifest at various levels of language. A comparative analysis of the grammatical features of causative expression in structurally diverse languages – Kabardian, or East-Circassian, Russian, and English – has revealed differences in communicative behavior shaped by the cultural backgrounds of speakers. English causative constructions, whose cultural elaboration constitutes a distinctive typological feature of the language, emphasize the autonomy and freedom of the causer. In the Kabardian linguoculture, unlike in Russian and English, permissive or imperative meanings of causation are determined by context. For native speakers of Russian and Kabardian, a direct imperative is not perceived as less polite compared to permissive causative constructions, as is often the case in English-speaking cultures. In today's integrated world, intercultural adaptation represents a central and defining challenge. Decoding ethnocultural differences in the formation of causative constructions across diverse linguistic systems contributes to a deeper understanding of the unique mental frameworks of speakers and fosters more effective intercultural communication.

Keywords: language, culture, linguoculture, causation, linguistic explication, grammaticalization, intercultural communication

The author

Dr Elleonora V. Maremukova, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

E-mail: elleonora16@mail.ru

SPIN code: 5605-7947